

Ю. А. НОВИКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Принятый в нашей фольклористике термин «духовные стихи» объединяет разнообразный по форме и содержанию материал. К этому жанру относят и так называемые «старшие» стихи, испытавшие сильное воздействие былин, и произведения лиро-эпического и лирического характера, бытовавшие некогда на территории почти всей России, и сравнительно поздние, связанные с традициями виршевой поэзии, старообрядческие псалмы и религиозные песни сектантов. Их роднит общность тематики, генетическая связь со средневековой литературой, известная доля назидательности. Во всем остальном — начиная от идейной направленности и проблематики и кончая языком — разные группы духовных стихов подчас довольно резко отличаются друг от друга, и, естественно, их роль в духовной культуре народа далеко не равнозначна.

В настоящей статье основное внимание уделяется современному состоянию общерусских духовных стихов — самой важной группы, во многом определяющей лицо всего жанра. Эти произведения представлены наибольшим количеством записей, которые дают богатый фактический материал для наблюдений за условиями и характером бытования, причинами и путями постепенного отмирания духовных стихов, эволюцией их художественной формы.

Сейчас основным районом бытования духовных стихов, как и других эпических жанров, является Русский Север. Подавляющее большинство записей, с которыми нам удалось познакомиться, сделано в Карельской АССР, в Архангельской, Вологодской и Мурманской областях; около двух десятков текстов сообщили старообрядцы из Горьковской области.¹ Из 500 с лишним вариантов духовных стихов свыше 400 записано в послевоенное время, когда собирательская работа приобрела особенно широкий размах. Всего зафиксировано без малого 70 сюжетов, из них на долю общерусских стихов приходится 18. Остальные сюжеты известны лишь старообрядцам и представлены одним-двумя, реже тремя-четырьмя вариантами. Исключение составляет стих «Умоляла мать родная», популярный на всем Севере (35 вариантов), причем не только у староверов.

Среди общерусских стихов первое место по количеству записей занимает «Алексей — человек божий» — 66 вариантов; довольно широко распространены также «Егорий и змей» — 47 вариантов, «Два Лазаря» — 44 варианта, «Муки Егория» — 43 варианта, «Сон богородицы» — 31 ва-

¹ При подготовке статьи использованы тексты духовных стихов из ряда рукописных хранилищ. В числе их архив Петрозаводского института языка, литературы и истории Академии наук СССР (далее: ПИЯЛИ), материалы северных фольклорных экспедиций Московского университета 1956—1963 гг., хранящиеся на кафедре фольклора МГУ (далее: МГУ), фольклорный архив Государственного литературного музея (далее: ГЛМ). Как участник большинства северных экспедиций МГУ, автор опирался также на личные наблюдения и полевые записи.

риант, «Страшный суд» — 31 вариант, «Стих о нищей братии» — 19 вариантов, «Явление Параскевы-Пятницы» — 16 вариантов, и т. д. До сих пор не забыты и такие редкие сюжеты, как «Иосиф Прекрасный» — 7 вариантов, «Аника-воин» — 6 вариантов, «Голубиная книга» — 3 варианта, «Борис и Глеб» — 1 вариант.

Несколько различно выглядят репертуары отдельных географических районов. В Заонежье наиболее популярны «Муки Егория», «Алексей — человек божий» и «Два Лазаря», на Кенозере — «Алексей — человек божий» и «Егорий и змей», от жителей Пудоги чаще других записывался стих «Два Лазаря», а в Беломорье явное предпочтение отдают «Мукам Егория». В то же время в Заонежье не зарегистрированы сюжеты «Страшный суд» и «Расставание души с телом», на Пудоге — «Сон богородицы», «Страшный суд» и «Стих о нищей братии», в Беломорье — «Расставание души с телом». Трудно судить, забыты эти произведения или их здесь никогда не знали, так как текстов старой записи сравнительно немного и они не отражают полной картины бытования жанра в той или иной местности.

В наши дни собиратели считают необыкновенной удачей встречу с певцом, знающим 3—4 былинных текста; почти полностью исчезли из устного бытования и старшие исторические песни. Духовных стихов сохранилось гораздо больше — в этом отношении их судьба аналогична судьбе древнейших баллад. Участники фольклорных экспедиций 50—60-х годов находили немало людей, которые довольно твердо помнили несколько текстов. Так, студенты МГУ в 1963 г. записали от трех человек по пяти произведений, а от двух — по семи.

Современные исполнители крайне редко различают духовный стих и древнейшую балладу. Дело в том, что в устном бытании сохранились в основном лиро-эпические стихи, во многом схожие с народными балладами. Для них характерны те же напевы, тот же былинный стих, общими являются и важнейшие средства художественной выразительности. Произведения обоих жанров обычно несложны по композиции, одноконфликтны, отличаются драматизмом, динамичным развитием действия, они невелики по объему. Да и в тематике у них немало точек соприкосновения. Единственное, что не позволяет поставить между такими текстами знак равенства, — это религиозное содержание духовных стихов, которое нельзя сбрасывать со счетов.

Однако известно, что классики марксизма неоднократно писали о «религиозной оболочке», в которую облекались социальные интересы и взгляды народных масс в феодальную эпоху. Специфика духовных стихов требует поэтому исторического подхода. Тем более в наши дни исполнителей далеко не всегда привлекает в духовных стихах религиозная сторона. В процессе длительного устного бытования произведения этого жанра подверглись основательной переработке, отразили некоторые важные стороны общественного и семейного быта дореволюционной России. Нельзя, например, отказать в остроте социального обличения варианту «Лазарей», в котором богач так «отчитывает» своего бедного брата:

Выдь, нишша кáлика, ты прочи от меня,
А есть у меня братъица получше тебя,
А повыше плещём, покрасивее лицём:
Попы да дьяки-то — братя мои,
А купцы да торговцы — тое дружье мои,
А ты-то меня братцем да не называй,
А ты меня родимым не нарекай.²

² ПИЯЛИ, колл. 21, № 140.

В другом варианте богатый брат похваляется:

Истинным бога́цьвом тьму загружу,
Златом-серебром рай откуплю.³

Та же тема имущественного неравенства, социальной несправедливости явственно звучит и в «Стихе о ницей братии». Возносясь на небо, Христос обещает оставить «ницей братии» и «бедной сироте» гору золотую, реку медовую, сады-винограды. Иоанн Златоуст отговаривает его от этого:

На Руси есть сильны люди богаты,
Отоймут у них гору златую,
Отоймут у них реку медовую,
Отоймут у них сады-винограды.
Над горой у них будет убийство,
Над рекой будет кроволийство,
Над садами будет драка велика.⁴

Эти духовные стихи, при всей их чисто религиозной «оболочке», связанные с другими произведениями социально-бытового содержания, которыми так богат русский фольклор. И не случайно стихи о двух Лазарях и о ницей братии до сих пор сохранились в народной памяти, тогда как многие другие сюжеты давно забыты.

В последнее время в разных жанрах фольклора заметен повышенный интерес к произведениям на семейно-бытовые темы. Этот процесс коснулся и духовных стихов. Наибольшей популярностью сейчас пользуются те сюжеты, в которых повествуется об отношениях между членами семьи, о разлуке и встречах близких родственников («Алексей — человек божий», «Егорий и змей», те же «Два Лазаря», «Иосиф Прекрасный»). В 30-е годы продолжал бытовать и «Стих о грешных душах», представляющий собой своеобразный «уголовный кодекс» старой деревни. В этом удивительно стройном по композиции, простонародном по языку произведении перечисляются самые страшные грехи, которые закрывают человеку дорогу в рай. Любопытен подбор проступков, сделанный не с позиций официальной церкви, а с позиций мужика-пахаря — суеверного, забитого, но в то же время нравственно чистого человека. Грешной объявляется та душа, которая «в утробе младенца потушила» (по вариантам — «потрёбила», «задушила») или «из избы в избу висти переносила», «из квашни спорину да вынимала», «отца да матери поматерно ругала», «из-за межи на полосе волотки сожинала», «в корове молоко да запирала»; ⁵ в другом варианте — «мужа с женой разлучила».⁶

Таким образом, в последние десятилетия интенсивно протекал процесс «естественного отбора» духовных стихов; «право на жизнь» получили преимущественно те произведения, идейное содержание которых не исчерпывается религиозными догмами, восходящими к книжному первоисточнику.

Несомненное воздействие на судьбу духовных стихов оказал професионализм в их исполнении. На Севере и сейчас можно найти стариков, которые хорошо помнят «калик перехожих». В начале нашего века эти нищие певцы-полупрофессионалы бродили по деревням и пели в избах «Голубиную книгу» и «Муки Егория», «Лазарей» и «Алексея — человека

³ ГЛМ, инв. 1, папка 4385/21, № 20.

⁴ ПИЯЛИ, колл. 56, № 73-а.

⁵ ГЛМ, инв. 1, папка 4385/49, № 3.

⁶ ГЛМ, инв. 240, папка 38, № 9.

божьего»; без них не обходилась ни одна ярмарка, ни один сельский праздник. Именно от бродячих певцов многие крестьяне перенимали духовные стихи; постоянное общение с профессиональными исполнителями поддерживало интерес к этому жанру, способствовало сохранению книжных элементов в текстах произведений. И хотя «калики перехожие» давно перевелись, традиции их творчества дают о себе знать и в наши дни. Исполнители, с которыми фольклористы работали в 50—60-е годы, довольно часто заявляли, что они или их родители научились стихам от нищих.

В дореволюционной деревне действовали и некоторые другие факторы, способствовавшие популяризации духовных стихов. Вряд ли эти произведения получили бы в народе такое распространение, если бы церковь не запрещала во время постов петь «мирские» песни. Во многих местах этот запрет распространялся на все, что прямо не связано с религией, в том числе на былины, исторические песни и баллады.⁷ Искусственное наследие духовных стихов не прошло бесследно, тем более что в религиозных семьях вплоть до 40-х годов продолжали отмечать посты пением «божественных» песен, а среди старообрядцев и сейчас можно встретить людей, верных этому обычая.

Во время полевых записей мы не раз замечали, что нередко жители одной деревни отдают явное предпочтение какому-то определенному духовному стилю. Оказывается, их вкусы определяются тем, какой престольный праздник отмечался в местной церкви. В старину в дни праздников возле церкви собирались захожие певцы-нищие, да и местные знахари духовных стихов демонстрировали здесь свое мастерство. В Алексеев день, естественно, особой популярностью пользовался стих об Алексее — человеке божьем, в Юрьев день — стихи о Егории Храбром, и т. д. Эти сюжеты получали в округе широкое распространение и сохранялись дольше других.

Не полагаясь на свою память, набожные старушки иногда переписывают духовные стихи. Участники последних экспедиций неоднократно встречались с людьми, которые забыли напевы стихов, а полный текст могут воспроизвести только по рукописи. Особенно широкое хождение такие рукописи получили у старообрядцев Каргопольщины.

Сохранению духовных стихов в живом бытании в известной мере способствовало усилившееся в последнее время их взаимодействие с произведениями других жанров фольклора. Одни духовные стихи — преимущественно с развитым сюжетом — заметно тяготеют к сказке и преданию; другие втягиваются в орбиту обрядовой поэзии; трети теряют религиозную окраску и приближаются к балладам эпического характера; наконец, многие варианты испытывают сильное воздействие лирических песен.

Впервые попав на Кенозеро, участники экспедиций МГУ были немало удивлены исключительной популярностью духовного стиха «Сон богородицы». Вскоре выяснилось, что его здесь употребляют в качестве заговора-молитвы. Впоследствии собиратели не раз сталкивались с подобным явлением: почти на всей обширной территории Каргопольского района Архангельской области этот духовный стих не поют, а читают вместо молитвы, заканчивая традиционным «аминем». «Когда помирает, эта молитва хороша. Как мучится человек, икону возьмешь, почитаешь над ним, он станет стихать, стихне и помрё», — заявила Т. И. Лукина из с. Конева

⁷ Об этом, в частности, свидетельствует П. Н. Рыбников, описывая в «Заметке собирателя» свою первую встречу со знаменитым сказителем Т. Г. Рябининым (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. Изд. 2-е. М., 1909, стр. LXXVI).

на р. Онеге.⁸ Сам текст духовного стиха остается в таких вариантах традиционным, и только в конце появляются типичные заговорные формулы:

Кто эту молитву при своем доме держит,
Того ни гром, ни молния не побьет,
И нечистый дух не подойдет,
И трясовища не потрясет.
Кто эту молитву проповедует при темном лесе,
Тот в темном лесе не заблудится.
Кто эту молитву при последнем часе смерти прочтет,
Тот будет спасен.
Во веки веков. Аминь.⁹

Очевидно, «Сон богородицы» иногда употреблялся в качестве заговора-молитвы и в других районах Русского Севера. Участники экспедиции Государственной академии художественных наук в 1926 г. зафиксировали такой случай в Заонежье,¹⁰ а М. Б. Едемский в примечании к одному из текстов, записанному в бывш. Тотемском уезде Вологодской губернии, отметил: «Сон пресвятой богородицы читают, когда идут истцом в суд, и если дело начато справедливо, то он помогает в хорошую сторону...».¹¹ Э. Г. Бородина в 1937 г. записала в г. Вельске этот же стих, названный исполнительницей молитвой «от огня от пламени, от лесного заблуждения, от водяного потопления, от злых людей, от лукавого человека».¹² Видимо, под влиянием «Сна богородицы» в отдельных случаях в качестве молитвы стали употреблять «Стих о нищей братии» и «Явление Параскевы-Пятницы». Более того, «аминем» заканчиваются даже некоторые варианты духовных стихов «Алексей — человек божий» и «Егорий и змей».

Начиная с середины прошлого века исследователи не раз отмечали случаи прикрепления к календарному обряду былин, исторических песен¹³ и духовных стихов.¹⁴ Этот процесс не прекратился и в годы Советской власти. По свидетельству собирателя В. П. Дурова, в Сумском Посаде некоторые стихи «поются... детьми во время христославления».¹⁵ Эти тексты и по форме, и по содержанию ничем не отличаются от обычных старообрядческих религиозных песен, но все они повествуют о рождении Христа и заканчиваются типичными для рождественских песен фразами:

Пришло Рождество господину на крыльце,
Ты ставай, господин, разбужай госпожу...¹⁶

Снимал колпачок: пожалуйте на чаек!
Хозяин с хозяюшкой, с праздничком!¹⁷

Сложнее взаимодействие духовных стихов с прозаическими жанрами. Среди 70 с лишним пересказов духовных стихов, записанных в Советское

⁸ МГУ, 1963 г., тетр. 22, № 11.

⁹ МГУ, 1963 г., тетр. 25, № 93. Видимо, отдельные духовные стихи уже в прошлом веке употреблялись как молитвы-заклинания. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют концовки текстов «Галактион и Епистимия» и «Федор, Давид и Константин Ярославские» в сборнике П. Бессонова «Калеки перекожие» (ч. I, вып. 3. М., 1861, №№ 211—212).

¹⁰ ГЛМ, коробка 17, инв. 211, папка 34, № 4.

¹¹ ГЛМ, инв. 1, папка 4385/7.

¹² ГЛМ, инв. 240, папка 38, № 8.

¹³ Обзор таких текстов см. в работе: В. Ф. Миллер. Былины и исторические песни в качестве обрядовых. Русская мысль, 1912, № 3.

¹⁴ См. об этом в кн.: В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря. (Очерки по истории народных верований). М., 1957, стр. 160.

¹⁵ ПИЯЛИ, колл. 27, № 184.

¹⁶ ПИЯЛИ, колл. 33, № 50 (запись 1947 г.).

¹⁷ Там же, № 51.

время, нет ни одного, который бы исполнители квалифицировали как сказку или бывальщину. Лишь однажды полузыбый, дефектный вариант «Страшного суда» назвали... арабской сказкой.¹⁸ Но это, на наш взгляд, курьезное исключение. Обычно исполнители либо сами в молодости пели «стихи», либо слышали его от других.

Между тем влияние сказочной традиции на пересказы духовных стихов становится все более ощутимым, обилие сказочных образов, сказочных мотивов и формул порой приводит к коренным изменениям в содержании и форме того или иного варианта. Особенno характерен этот процесс для духовных стихов, сюжетно близких к сказочному эпосу. Треть записанных в Советское время вариантов «Егория и змея», половина записей «Алексея — человека божьего» и все 9 вариантов «Аники-воина» представляют собой прозаические тексты. В них нередко встречается сказочный засин: «В некотором царстве, в нашем государстве жил-был царь Агапит. Стал в это царство ходить зверь трехглавый...»;¹⁹ обычный для волшебных сказок диалог: «Что ты, Елизавета Агапитна, задумалась, загорюнилась?». — «Что мне не задуматца, не загорюнитца...».²⁰ Возвращаясь домой после тридцатилетней отлучки, Алексей — человек божий просит Христа сделать его «убогой кáликой»,²¹ «приróстить бороду»,²² чтобы родители его не узнали; мать же узнает его по бородавке.²³

Сказочные элементы иногда проникают и в стихотворные тексты. Например, О. С. Богданова из с. Шуерецкого Беломорского района Карельской АССР, исполняя «Алексея — человека божьего», неоднократно употребляла перефразированные сказочные формулы:

Тут не скоро дело ведется,
Не так скоро стих поется,

или:

Он рос сперва по часочкам,
А теперь растет по минутам...²⁴

В заонежских вариантах этого сюжета устойчивым стал мотив чудесного рождения Алексея от съеденной «рыбы-белуги».

Пересказы духовного стиха «Егорий и змей» испытали сильное воздействие сказок о невинно гонимых. В ряде вариантов в основу повествования положен не конфликт между родителями-идолопоклонниками и дочерью-христианкой, а традиционное для сказки враждебное отношение мачехи к падчерице. Исполнители подчеркивают, что у царя Агапия — жена «незаконная», «нерусская», для Олисафы она — «мать неродимая». В результате духовный стих полностью теряет религиозную окраску, из назидательного рассказа о праведной деве и ее «неверных» родителях превращается в обычную историю о преследовании падчерицы мачехой. Примечательно, что подобной трансформации подверглись в последние десятилетия и многие стихотворные варианты «Егория и змея».

И все же, несмотря на обилие сказочных элементов, пересказы духовных стихов так и не превратились в собственно сказку, как это произошло с некоторыми былинами. Для сказок характерна установка на вымысел, по мере разрушения былины ее тоже могут воспринимать как выдуман-

¹⁸ МГУ, 1963 г., тетр. 22, № 20.

¹⁹ МГУ, 1962 г., тетр. 24, № 80.

²⁰ МГУ, 1962 г., тетр. 17, № 25.

²¹ ПИЯЛИ, колл. 80, № 49.

²² ГЛМ, инв. 240, папка 38, № 2.

²³ МГУ, 1962 г., тетр. 8, № 2.

²⁴ ПИЯЛИ, колл. 36, № 162.

ную историю. А события, описываемые в духовных стихах, большинство исполнителей воспринимает как реальное прошлое. Такой взгляд поддерживается тем, что в самих текстах этих произведений устойчиво сохраняются точные указания на время и место действия, а имена таких героев, как Егорий Храбрый или Алексей — человек божий, многим знакомы не только по духовным стихам. Поэтому даже прозаический, оформленный в сказочном духе рассказ о приключениях Алексея или подвигах Егория исполнители продолжают осознавать как реальность. Одна из женщин, закончив стих о Егории и змее, резюмировала: «Как бы эту царевну не приводили к морю, так эта змея всех бы съела, и не было бы вас никого».²⁵

Показательно, что в некоторых текстах духовных стихов довольно прочно закрепляются мотивы преданий и этиологических сказаний — жанров, отличающихся от сказки прежде всего установкой на правду. Любопытным эпизодом завершается, например, пространный пересказ «Иосифа Прекрасного». По утверждению исполнительницы, от «фараонов» (так она называла египтян), которые проскочили вслед за Иосифом по дну расступившегося моря, пошли цыгане, а те из них, кто не успел выйти из воды, превратились в тюленей.²⁶ В варианте «Егория и змея», записанном в Каргопольшине, есть такие строки: «Приехал Егорий и ее (змею, — Ю. Н.) прирубил. И тут у нас называется Эмейная гора».²⁷ Указания на Эмейную гору, получившую свое название якобы оттого, что именно здесь Егорий Храбрый расправился со змеем, находим и в ряде других текстов, записанных в Каргопольском районе и Беломорье.²⁸

Еще чаще в текст духовного стиха вводится предание о происхождении змей от тела побежденного Егорием чудовища. С подобным явлением собирали сталкивались и до революции,²⁹ но гораздо реже, чем в последние десятилетия. В записях Советского времени буквально в каждом третьем варианте говорится о том, что Егорий разрубил змея на мелкие куски, сжег их, а пепел развеял по полю, «оттого и поселились змеи в наших местах, да не летучие, а ползучие». Часто Егорий сам велит змею рассыпаться «на гады, на мелкие чурвушки» и разойтись «по всему миру, по всей Расеюшки».

Отдельные варианты духовных стихов испытали заметное влияние народной лирической поэзии. Это относится не только к лирическим и лироэпическим по своему характеру произведениям, но и к так называемым «старшим» стихам типа «Егория и змея» или «Мук Егория». В новых записях немало текстов, где повествование ведется от первого лица, появляется некоторое подобие рефрена, каждая строка при исполнении повторяется дважды. М. Н. Северикова из Заонежья каждую строку «Егория и змея» пела трижды.³⁰ Порой в духовных стихах закрепляются поэтические образы из народной лирики; например, один из вариантов «Иосифа Прекрасного» начинается отрывком из лирической песни «Я пойду, кума, во темны леса...».³¹

Таким образом, сближение некоторых духовных стихов с произведениями других жанров фольклора нередко способствует их сохранению

²⁵ ПИЯЛИ, колл. 89, № 37.

²⁶ МГУ, 1963 г., тетр. 3, № 15.

²⁷ МГУ, 1963 г., тетр. 28, № 58.

²⁸ См., например: МГУ, 1963 г., тетр. 20, № 134; ПИЯЛИ, колл. 36, № 146.

²⁹ См., например: Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Бессонова, ч. I, вып. 2. М., 1861, № 118; К. Харузина. Из олонецких легенд. Олонецкий сборник, вып. IV, СПб., 1902, стр. 62.

³⁰ ГЛМ, коробка 17, инв. 211, папка 61, № 3.

³¹ МГУ, 1963 г., тетр. 27, № 18.

в устной традиции. Но в то же время этот процесс обычно сопровождается разрушением художественной ткани текста, утратой специфических жанровых особенностей.

Итак, в силу ряда причин духовные стихи сохранились в живом бытованиях до наших дней. Однако все факторы, поддерживающие у определенной части населения интерес к этим произведениям, имеют временный характер, они лишь задержали закономерный процесс отмирания этого жанра. Как показывают материалы послевоенных фольклорных экспедиций, знание духовных стихов стало сейчас уделом глубоких стариков. Экспедиция МГУ 1963 г. записала в Каргопольшине 105 текстов от 46 исполнителей. Среди них нет ни одного человека моложе 58 лет, больше 85 % всех вариантов сообщили люди, родившиеся в прошлом веке. Произведения этого жанра сохранились в основном в женской среде; от 4 мужчин записано лишь 6 текстов, и все они явно дефектны, представляют собой либо небольшие фрагменты, либо краткие пересказы. Примерно такую же картину обнаружили фольклористы в Заонежском и Пудожском районах Карельской АССР, где в 1956—1961 гг. побывали экспедиции Московского и Петрозаводского университетов. А в 20—30-х годах в тех же местах почти треть духовных стихов сообщили люди моложе 58 лет. При этом надо учесть, что до войны собиратели записывали духовные стихи выборочно, прежде всего от известных сказителей былин, среди которых преобладали люди пожилого возраста.

Нет нужды доказывать, что отношение исполнителей к духовным стихам во многом определяется их отношением к религии. В северных деревнях и сейчас есть глубоко религиозные люди, которые упорно цепляются за отжившие традиции и обычаи, ревностно (но чаще всего безуспешно) пытаются уберечь тексты стихов от каких-либо изменений. Некоторые из них весьма холодно встречают фольклористов-собирателей, наотрез отказываются петь «безбожникам» духовные стихи, считая это тяжким грехом.³²

Гораздо многочисленнее другая категория исполнителей — люди, никогда не проявлявшие особого рвения к учению церкви и не воспринимавшие духовные стихи как «божественные песни». В духовных стихах их прежде всего привлекают не религиозные идеи, а проблемы морально-бытового и социального характера, о которых говорилось выше. И не случайно в репертуаре многих исполнителей произведения этого жанра мирно уживаются с антипоповскими и антирелигиозными сказками, песнями, частушками, пословицами. А одна из женщин, закончив духовный стих о том, как по совету матери девушка уходит в монастырь, тут же спела пародию на духовный стих,³³ в которой явственно высмеивались и сама идея затворничества, и напыщенный стиль старообрядческих рассуждений о «матушке-пустыне».

Время духовных стихов прошло, и это хорошо понимают не только люди среднего поколения, но и многие старики. Нередко они лишь по инерции хранят в памяти эти произведения, давно не поют их. «Я не пою стихов, если бы вы не спросили, я бы и не вспомнила», — сказала собирателям 60-летняя П. К. Старицына из кенозерской деревни Першлахта. — «А ну его, это старо... Отошли стихи в сторону, старое стали забывать, а пришло новое, хорошее».³⁴

Анализ материалов последних фольклорных экспедиций показывает, что с каждым десятилетием заметно ухудшается качество текстов. Сей-

³² См., например: МГУ, 1956 г., тетр. 2, № 20; 1963 г., тетр. 19, № 64.

³³ МГУ, 1958 г., тетр. XXIV, №№ 1, 2.

³⁴ МГУ, 1958 г., тетр. 3 (см. паспорт П. К. Старицыной).

час многие исполнители предпочитают не петь, а сказывать духовные стихи, поскольку они плохо помнят их напевы. При таком исполнении, как правило, нарушается ритмический строй, пропускаются некоторые слова, повторы, происходит стяжение стихотворной строки.

Нами зафиксировано свыше 130 отрывков и пересказов духовных стихов, что составляет более четверти всех вариантов, записанных в Советское время. В сложных по композиции духовных стихах все чаще опускаются многие эпизоды, внимание сосредоточивается на самом драматическом моменте повествования. Например, в ряде вариантов «Алексея — человека божьего» нет рассказа о чудесном рождении, детстве и юности святого, о его скитаниях, зато очень подробно описывается, как неузнанный родителями Алексей живет в их доме на положении нищего, какие драматические события происходят здесь после его смерти. В духовном стихе «Иосиф Прекрасный» исполнители акцентируют внимание на вероломстве братьев-завистников, продающих Иосифа «измайловским купчинам». Все другие эпизоды в большинстве вариантов отсутствуют.

Еще более разительные перемены произошли в духовном стихе «Муки Егория». Его сюжет составляют три основных момента: 1) «царице Кудриянище» (Диоклетиан) разоряет русскую землю, мучит малолетнего Егория Храброго; 2) святой освобождается из глубокого погреба, преодолевая три заставы «неверного царя», насаждает на Руси христианство; 3) Егорий убивает своего мучителя. В подавляющем большинстве дореволюционных записей представлены все эти компоненты сюжета (мы познакомились с 32 текстами, и лишь в шести из них не говорится об окончательной победе Егория). Совсем другая картина в записях Советского времени. Среди 43 вариантов только в двух выдержана традиционная сюжетная схема. Обычно же исполнители ограничиваются рассказом о мучениях Егория, не всегда говорят даже об освобождении его из погреба. Заставы Диоклетиана и миссионерская деятельность святого упоминаются всего в трех текстах, а расправа с врагом — в восьми.

Забывая содержание духовных стихов, исполнители иной раз переделывают их на свой лад, дополняют общеизвестные сюжеты новыми эпизодами. В отдельных вариантах события получают такой неожиданный поворот, что бывает нелегко узнат традиционную сюжетную схему. Например, в одном из духовных стихов «Муки Егория» совсем не упоминается имя Егория Храброго — его место занимает «царице Кудриянище», которого разбойники посадили в глубокий колодец и завалили колодою.³⁵ В другом стихе о Егории святой тоже не появляется — «Лисапеда Агапеевна» самостоятельно управляет со змеем.³⁶ Нелепым финалом завершается вариант «Лазарей»: по приказанию богатого брата слуги уводят убогого Лазаря в поле, где собаки разрывают его на части.³⁷ Значительные отклонения от традиции встречаются иногда и в текстах хорошей сохранности. Экспедицией Государственной академии художественных наук от заонежского сказителя А. Б. Сурикова записан превосходный по своей полноте вариант «Алексея — человека божьего» (около 200 стихотворных строк), но заканчивается он тем, что Алексей, так и не узнанный родственниками, уплывает в Индийское царство.³⁸ Все эти факты говорят о постепенном разрушении канонических текстов.

Судя по имеющимся публикациям духовных стихов, до революции границы содержания разных сюжетов были твердо закреплены традицией.

³⁵ МГУ, 1962 г., тетр. 14, № 15.

³⁶ МГУ, 1963 г., тетр. 20, № 81.

³⁷ Там же, № 154.

³⁸ ГЛМ, коробка 17, инв. 211, папка 74, № 4.

В последние десятилетия эти границы стали довольно зыбкими, из одного стиха в другой кочуют имена героев, географические названия, отдельные мотивы и эпизоды. А в девяти текстах (все они записаны после 1936 г.) дело дошло до контаминации сюжетов. Чаще всего исполнители объединяют духовные стихи «Муки Егория» и «Егорий и змей», в которых действует один герой, а значит, есть и какие-то предпосылки для контаминации. Но нередко соединяются и совершенно разные произведения: «Сон богородицы» и «Голубиная книга», «Егорий и змей» и «Варвара-великомученица», «Страшный суд» и «Стих о нищем братии» и т. д. На наш взгляд, контаминацию духовных стихов нельзя считать актом творчества: во всех девяти случаях мы имеем дело с короткими, невыразительными, порой полуразрушенными текстами, которые соединяются не сознательно, а чисто механически. Их появление — еще один признак забывания традиции и отмирания духовных стихов.

Хотелось бы остановиться еще на одном интересном факте. В духовном стихе «Муки Егория» часто описывается наружность героя. Егорий изображается как и чудесный ребенок в волшебной сказке:³⁹

По колена ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная.⁴⁰

Но если в упомянутой сказке необыкновенная внешность героя — необходимый сюжетный элемент, то в духовном стихе портрет Егория прямо не связан с развитием действия, его может и не быть. В русской фольклористике давно высказывалось предположение, что портрет появился здесь под влиянием иконы святого Георгия-мученика.⁴¹ Такая точка зрения не является общепризнанной. Но во всяком случае можно утверждать, что икона во многом способствовала сохранению портретной характеристики Егория в стихе.

Пока духовенство и царские чиновники усердно насаждали официальный культ Георгия Победоносца, пока многочисленные изображения этого святого были едва ли не самыми распространенными в России, портрет Егория довольно прочно удерживался в духовном стихе. Он имеется в 16 из 32 просмотренных нами текстов старой записи. Поразительные изменения произошли после революции. Закрылись многие церкви, резко уменьшилось число икон в деревенских избах, и за каких-нибудь 10—15 лет из духовного стиха «Муки Егория» бесследно исчез портрет. Описание наружности святого сохранилось только в одном из 43 вариантов,⁴² записанных в Советское время.

Время наложило отпечаток и на язык духовных стихов. Тексты старых записей, как правило, отличаются витиеватостью, напыщенностью слога, изобилуют церковнославянскими словами и оборотами, выражениями, заимствованными из церковных книг и молитв. В тех же вариантах, которые — записаны после революции, мы почти не встречаем выражений типа «чудный отрок», «боги кумирские», «геенна огненная», «проглаголовать», «святые мощи нетленные». Иногда, впрочем, исполнители продолжают автоматически употреблять церковнославянизмы, смысла которых они

³⁹ Сюжет AT-707 по указателю Аарне — Томпсона, см.: The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen Translated and Enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1964.

⁴⁰ Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова, ч. I, вып. 2. М., 1861, стр. 422.

⁴¹ М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 384.

⁴² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, разр. V, колл. 172, папка 2, № 66.

не понимают, и в результате коверкают их. Вот и появляется в тексте «Алексея — человека божьего» словосочетание «с небесъя бы глаза про-глазелъся» вместо «глаз прогласилъся», а в «Стихе о Борисе и Глебе» — «вострым ножом закалъя» вместо «закла».

Аналогичным изменениям подвергаются имена многих библейских персонажей, географические названия, которыми так богаты канонические тексты духовных стихов. Все эти имена собственные чужды народной поэзии, связаны с книжными источниками и потому в крестьянской среде быстро забываются или деформируются. В подобных примерах нет недостатка: князя Ефимьяна называют «Фимиамом», Понтия Пилата — «Понтийским Пилатом», реку Иордан — «святой горой Иорданом», Иоанн Златоуст осмысливается как «Иван да Златоусец», и т. д.

В записях последних десятилетий язык духовных стихов стал проще, ближе к разговорной речи, большинство текстов по своему лексическому составу мало чем отличается от былин, исторических песен и баллад. Такое «обмирщение» словаря, на наш взгляд, объясняется прежде всего тем, что после революции исчезли последние элементы профессионализма в исполнении духовных стихов, их тексты сохранились только в репертуаре певцов-любителей. Под влиянием произведений других жанров фольклора язык духовных стихов быстро нивелировался, освобождался от книжных элементов. Неслучайно народные певцы в первую очередь отбросили насыщенные моралистическими сентенциями концовки, картины «исцеления» больных от святых мощей, так называемые «пхвалы святым», в которых особенно часто употреблялись церковнославянизмы и книжные выражения.

Из текстов духовных стихов исчезают или переосмысливаются и наиболее архаичные слова, постоянные эпитеты, свойственные языку народной поэзии. Смутно представляя себе древнее оружие, исполнители вместо слова «меч» употребляют «меть», «неть» и даже «нешь»; «змея пещерского» называют «пиршетским», бояр — «воярами», и т. д. Иногда ставшие непонятными словосочетания переосмысливаются довольно удачно, создаются новые поэтические образы: например, постоянный эпитет «крылечко перёное» уступает место «крылечку пилёному».

Как и в произведениях других жанров фольклора, в духовных стихах новейшей записи нередко встречаются слова, появившиеся в русском языке сравнительно недавно. Их употребление в архаичных по своему характеру текстах художественно не оправдано. Современная лексика может украсить, скажем, народную частушку или пословицу, устный сказ или юмористическую бытовую сказку, но она чужда эпическому строю произведений, обращенных в глубокое прошлое. Упоминание «сельсовета» или «милиции» в духовном стихе «Два Лазаря» никак не вяжется с «ангелами-архангелами» и «дьяволами немилостивыми», которые вершат «божий суд». Всего одно неуместно употребленное слово нарушает стилистическое единство, вносит диссонанс в традиционное описание пира в одном из вариантов «Алексея — человека божьего»:

Тут сидели гости все бояра,
Тут сидели гости князья,
Тут сидели гости руководители...⁴³

Новые слова пришли явно «не ко двору» и в духовном стихе «Егорий и змей»: Олисафия возвращается в родной город, ведя на шелковом поясе укрошенного змея, «а там уже в бинокли смотрят».⁴⁴ Попытки

⁴³ ПИЯЛИ, колл. 36, № 162.

⁴⁴ МГУ, 1962 г., тетр. 8, № 1.

совместить несовместимое, хотя бы лексически «обновить» духовные стихи, приблизить их к современности отрицательно сказываются на художественной стороне произведений, заранее обречены на неудачу.

Все, что сказано выше об эволюции духовных стихов, прежде всего касается общерусских сюжетов. Нередко они бытуют в среде староверов, причем и здесь разрушаются, хотя не столь быстро. Иное дело — собственно старообрядческие религиозные песни, которые по-прежнему в чести у консервативно настроенных людей старшего поколения. Их излюбленные темы — всемирный потоп, страшный суд, размышления о страсти и смерти, восхваление отшельнической жизни. Эти произведения, в большинстве своем лирические по характеру, нередко рифмованные, имеют строфное построение (преобладает терцет), в них множество риторических вопросов и восклицаний, церковнославянских слов и оборотов. В более поздних по происхождению стихах тематика остается прежней, но форма существенно модернизируется: на смену силлабике приходит строгая ритмическая организация стиха (чаще всего употребляется четырехстопный хорей), появляется точная перекрестная рифма.

В распространении старообрядческих стихов велика роль индивидуального творчества. Например, на реке Кене в разных деревнях и от разных людей записаны тексты, автором которых все в один голос называют А. Н. Жарникова, умершего четверть века назад. Жарников использовал хорошо известные ему сюжеты — «Алексей — человек божий», «Егорий и змей», «Иосиф Прекрасный», «Петр и Февронья» и др., облекал их в обычную для староверских стихов форму, дополняя пространными рассуждениями на религиозные темы. Некоторые из записанных вариантов огромны по размерам (более 400 строк) и, судя по всему, почти дословно повторяют оригинал, в других немало изменений: исполнители сокращают объем текстов, упрощают порядок слов, часть церковнославянismов выбрасывают или заменяют общеупотребительными выражениями и т. д.

Известный собиратель и исследователь былин А. В. Марков в свое время писал: «Судить о тех версиях былин, которые некогда существовали в районах, где теперь былины неизвестны, мы до известной степени можем на основании изучения сохранившихся там низших эпических песен (древнейших баллад эпического и лиро-эпического характера, — Ю. Н.). Это изучение, кроме того, может дать любопытные данные о прежнем географическом распространении былин».⁴⁵

Слова Маркова в полной мере относятся и к духовным стихам. В них нередко встречаются имена героев русского эпоса, отдельные строчки и целые отрывки из былин. Сюда «перекочевали» знаменитый зчин из былин киевского цикла «Во славном во городе во Киеве», былинная концовка «По тых-то мест Егорьюшку славу поют», имена князя Владимира и княгини Апраксии, множество характерных только для быловой поэзии постоянных эпитетов и типических мест. Например:

Кто тебе в пиру не по нраву —
Молода ли супруга не по сердцу,
Пьяница ль в пиру тебя обругала,
Младенцы ли в пиру тебя обсмеяли?⁴⁶

В 1956 г. М. П. Рагозина из дер. Моталово в Заонежье использовала в духовном стихе «Егорий и змей» отрывок из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», которую она уже забыла. Привязав змею на шелков пояс, Егорий говорит Олисафии:

⁴⁵ А. В. Марков. Несколько песен лиро-эпического характера. Этнографическое обозрение, М., 1907, № 4, стр. 118.

⁴⁶ ПИЯЛИ, колл. 12, № 11.

«Ты веди в стольный Киев-град,
 Приведи ее на широк двор
 И привяжи ее к столу дубовому,
 Вели свистнуть ей по-змениному,
 Вели крикнуть ей по-звериному,
 А только крикнуть вполголоса».
 И вот она приказала змее лютой
 Свистнуть по-змениному вполголоса.
 Все приградные поселочки замертво лежат,
 А царь-то ходит во хоромах раскорякою...⁴⁷

В с. Варзуга на Терском берегу в духовном стихе «Муки Егория» закрепился другой фрагмент былины — рассказ о рождении богатыря. Этот мотив, редко встречающийся в русской быловой поэзии (см. былину «Волх Всеславьевич»), довольно органично вплетен в сюжетную канву духовного стиха:

Туры, олени по горам пошли,
 Серые волки по засекам,
 А белые горностали по темным лесам,
 Свежа рыба ступила в морску глубину.
 Да зародился на роду да могутной богатырь,
 Что на имя Егорий светохрабрый.
 Стал Егорий пяти-шести годков,
 Да замог наш Егорий конем владать

и т. д.⁴⁸

Далее следует традиционное описание погрома, учиненного на Руси «неверным царищем Грубиянищем».

Не лишено интереса, что на Терском берегу, в Карельском Беломорье и на Пинеге этот сюжет испытал особенно сильное влияние былинной традиции. Здесь в образе Егория подчас совершенно отсутствуют черты святого мученика, он предстает перед нами как могучий богатырь, который силой оружия побеждает своего врага.⁴⁹ Эта тенденция еще более заметна в записях Советского времени. От традиционного стиха в них нередко остается лишь имя святого да несколько сюжетных ходов. Противник Егория именуется татарином. А в одном из вариантов герой, подобно былинным богатырям, борется с целым полчищем врагов.⁵⁰

Перед нами не просто обычные для фольклора колебания по вариантам и даже не своего рода диффузия между произведениями разных жанров. В указанных текстах сюжетная коллизия, образы главных героев, а следовательно, и идейное звучание произведений подверглись столь серьезным изменениям, что закономерно возникает вопрос: можно ли их относить к жанру духовного стиха?

Если старообрядческие духовные стихи и сейчас в какой-то мере сохраняют свои позиции, то развитие общерусских в последние десятилетия идет по нисходящей линии. Произведения этого жанра известны теперь только людям старшего поколения, да и они, за редким исключением, лишь пассивно хранят их в памяти и, не находя аудитории, давно не исполняют. Все более усиливающийся процесс разрушения духовных стихов — верный признак их отмирания как особого жанра устного народного творчества.

⁴⁷ ГЛМ, инв. 24, папка 1-а, № 71.

⁴⁸ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, разр. V, колл. 172, папка 2, № 65.

⁴⁹ См., например: А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904, № 93.

⁵⁰ ПИЯЛИ, колл. 59, № 353.